

ШАМАНСКИЙ ТАЙЛГАН *ДАРХАН УДХА* ЗАПАДНЫХ БУРЯТ*

В настоящей статье описание шаманского тайлгана *Дархан удха* основано на материалах музыкально-этнографической экспедиции ИМБТ СО РАН (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук) в Иркутскую область в июле 2008 г. Автору статьи удалось записать весь ход ритуальных действий шаманского обряда жертвоприношения, посвященного кузнечному культу *Дархан удха* (*Дархан* – «кузнец», *удха* – «происхождение»). Потомки *эхиритов*, собравшиеся на тайлгане, в основе которого лежит жертвенно-умилостивительный обряд, являются представителями кузнечного рода *абзай*. Тайлган проходил под руководством родового шамана *бөө* Степанова Леонида Иосифовича¹. Его помощником был племянник старейшины рода Аракшинов Орел Ильич, имеющий статус *хаялгаши*².

Известно, что в системе шаманской обрядности западных бурят самой распространенной формой общественного праздника является *тайлган*. *Тайлган* (*тайлаган*) – жертвоприношение духам – хозяевам местных гор, рек, озер и ключей, устраивается родом весной, летом и осенью. По традиции тайлган как общественное жертвоприношение проводился на возвышенных местах, обычно у подножия горы. «Весенний и осенний назывались тайлганами Земли-Воды (*Газар-Уханай* тайлган), а летний – тайлганом *хатов* (*ханы* тайлган), т.е. духов» [2, 152]. Кроме того, тайлган был «праздником, сопровождавшимся состязаниями между представителями различных родов или групп в стрельбе из лука, в борьбе, а также в лошадиных бегах и скачках» [3, 69].

Тайлган *Дархан удха* проходил в удивительно красивой местности бывшего села Бахай Баяндаевского района Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской области. В 60-ые годы XX в. во время укрупнения колхозов и совхозов произошло переселение жителей в село Люры, находящегося в нескольких километрах от Бахая. К счастью, бахайцы не забыли корни своего происхождения и ежегодно устраивают тайлганы возле родового шаманского дерева (тополя), посаженного еще в детстве Орлом Ильичем Аракшиновым.

В описании тайлгана необходимо остановиться на главных предметах и атрибутах шаманского обряда, имеющих важное культовое значение. Прежде всего, к ним относятся семь железных предметов кузнечного культа (молот, клещи, наковальня, кузнечные меха, долот, топор, гвозди), аккуратно разложенных в специально огороженном месте, вероятно, символизирующем кузницу. Эта «кузница» находится в 10-12 метрах к югу от шаманского дерева и все ритуальное действие проходило в сакральном пространстве между ними. Нужно отметить, внутри «кузницы» в центре горел огонь, а возле каждого кузнечного инструмента стояла нераспечатанная бутылка водки. Известно, что каждый железный предмет имеет своего *эжина* (духа), покровителя кузнечного ремесла в образе небесного кузнеца Божинтоя и его девяти сыновей, для которых предназначено это угощение.

В мифологическом представлении бурят кузнецы (*дарханы*) имеют своих *заянов*³, от которых ведут происхождение (*удха*). Бурятский этнограф и фольклорист Г.Д. Санжеев в своей замечательной статье «Тайлган бурятских кузнецов» приводит удивительную легенду о происхождении первых кузнецов на земле [4, 101-105]. По его сведениям, «когда-то девять сыновей небесного кузнеца Божинтоя вместе со своей старшей сестрой Эйлик-Мулик (Ээлик-Мууулиг) спустились на землю, чтобы научить людей кузнечному ремеслу. У горы Сахидаг, где-то в Саянах (иногда под этим топонимом разумеют и сами Саяны), они и научили людей добывать железо, производить из него ножи, топоры и другие вещи. От этих людей, непосредственных

учеников пришельцев с неба, и происходят все нынешние кузнецы белого цикла, которые о своих предках говорят:

Саган мөнгөөр сар татаа
Шэрээдээ ондор уулайн оройёо (оройһоо) абаа,
Хөхө мөнгөөр хагнаая татаа,
Хатаалгаяа үһэн далайн оёороо (оёорһоо) абаа!

Из белого серебра протянули сар⁴
Сварочное достали с вершины высокой горы,
Из синего серебра протянули свой паяльник,
Со дна молочного моря достали свою сушильню»

[4, 101].

По сведениям Г.Д. Санжеева, покровителями людей кузнечного рода являются предки белых кузнецов *сагаани*⁵ *дархан* – первых кузнецов на земле. «Не имея такого предка, никто не может сделаться кузнецом, а тот кто имеет, не может не сделаться кузнецом, ибо иначе он заболит и умрет – так предки наказывают своих потомков, уклонившихся от исполнения своего сыновнего долга» [4, 103].

Из этой же статьи узнаем имена девяти сыновей небесного кузнеца Божинтоя, *эжинов* (духов) кузнечных инструментов и обрядов⁶:

Бужир дархан – эжин горнила (хяһайн)
Бажир дархан – эжин молота (байлтайн)
Аян дархан – эжин клещей (абаргайн)
Хур (Хүр) дархан – эжин меха (хөөргэйн)
Хурбагши дархан – эжин напильника (хуурайн)
Сутал дархан – эжин долота (соолмори)
Дуйрэн дархан – эжин наковальни (дөшэйн)
Салмин дархан – эжин белого обряда, т.е. очищения
(сагаалгатын)
Тарим дархан – эжин заклинаний (тарими) [там же].

Вероятно, именно этим *эжинам* и *заянам* кузнечного культа посвящены шаманские обряды, направленные на умиловивление и просьбы оберегать и защищать кузнечный род от злых духов, помогать людям и способствовать их благополучию и счастью.

На шаманском тайлгане важными обрядовыми объектами, возле которых происходит ритуальное действие и моление, являются священные березки *түүргэ* и коновязь *сэргэ*. На них вешают разноцветные ленты *залаа*, бросают серебряные монеты, брызгают молоком, чаем и *архи* (молочная водка, приготовленная особым способом). Очевидно, сакрализация пространства на шаманском тайлгане *Дархан удха* отмечена четырьмя объектами (коновязь, шаманское дерево, три священные березки, кузница). В центре находится огонь, причем один небольшой костер был разведен между коновязью и деревом, другой – внутри символической кузницы, а три костра с тремя котлами – напротив каждой священной березки. Несколько слов о жертвенных животных. Перед началом обряда две овцы и один козел белой масти со связанными ногами безропотно лежали с внешней стороны углов «кузницы».

В тайлгане принимали участие представители девяти семей рода *абзай*: Абзаевы, Аракшиновы, Ербахаяевы, Моржоевы, Осодоевы, Тороевы, Тарнуевы, Шараевы, Шобдоевы (всего более 50 чел.). Нужно отметить, что в прошлом и сейчас в некоторых шаманских тайлганах участие женщин запрещено. В настоящее время женщины допускаются только к родовым и межродовым тайлганам *Ехэ тайлаган* (Большой тайлган), в том числе к обрядам *Дархан удха*, в которых девушки и женщины

принимают активное участие⁷. В самом начале обряда они, держа в руках разноцветные ленточки *залаа*, стоят шеренгой лицом на север и молятся. В это же время мужчины разводят огонь – три костра напротив трех березок, заранее привезенных и вкопанных на восточной стороне. Шаман освящает *залаа*, после чего их вешают на священные березки *туургэ* и коновязь *сэргэ*. Затем все выстраиваются в ряд и шаман выбирает себе девять помощников (мужчин). По-видимому, это и есть девять сыновей Божинтоя или девять эжинов кузнечного культа. Их функции строго определены: следить за огнем, проводить обряд *духаалга*, помогать шаману во время главной части тайлгана – обряда жертвоприношения. По сведениям Г.Д. Санжеева, присутствовавшего на тайлгане кузнецов в 1927 г., функции помощников шамана расширены и включают состязания в беге с препятствием (перепрыгиванием через жердь), конных скачках, называемых *ёһөн сагаан дархан хүбүүһы урилдаан* («бега девяти белых парней-кузнецов») и национальной борьбе [4, 112-114].

После выбора девяти помощников начался обряд *духаалга* – обрядовое брызганье водкой и молоком на огонь, во время которого шаман и его главный помощник *хаялгаши* призывают духов предков и угощают их вином, молоком, кусочками мяса и жира, саламатом *зөөхэй*, сваренным женщинами на тайлгане, табаком (сигаретами из новых нераспечатанных пачек). В это время напротив небольшого костра возле *сэргэ* сидит старейшина рода Аракшинов Владимир Алексеевич (1923 г.р.), который очищает деревянную палочку с корой пихты, именуемую *жөдөө*⁸, капая на нее водкой. Шаман с помощью *жөдөө* проводит очищение или освящение сигарет, водки, молока и продуктов, находящихся на маленьком ритуальном столе. Все по очереди брызгают из рюмки водкой на огонь в костер, после чего угощаются тем, что находится на этом столе.

Затем начинается женский обряд⁹, когда шаман выстраивает в шеренгу девушек и женщин лицом на север, где находится родина *абзай*. Возле шамана присутствуют два помощника и ребенок (мальчик). Шаман произносит призывания божеств и духов *дурдалга* и призывает самую почитаемую *Абзайн төөдэй* – праматерь *абзаевского* рода. Женщины молятся, выпрашивая у нее здоровья, удачи, счастья и благополучия своей семье (у кого нет детей, молят о потомстве), при этом непрерывно трясут правой рукой, левая опущена вниз. Все обрядовое действие происходит вокруг коновязи *сэргэ*, которую женщины украшают разноцветными лентами, а шаман сверху повязывает большим и красивым платком так, что внешне коновязь напоминает бабушку *Абзайн төөдэй*. Шаман брызгает на нее молоком и чаем, помощники обкладывают вокруг *сэргэ* девятью привезенными камнями, на прикрепленную к *сэргэ* деревянную подставку ставят ритуальную пищу, кладут серебряные монеты. Женщины и девушки стоят вокруг со сложенными у груди руками, и каждая по очереди подходит к *сэргэ*, молится и мысленно или вслух произносит просьбы и сокровенные желания. По народному поверью, если хорошо молиться и искренне верить, обязательно сбудутся мечты. После обряда все женщины и девушки танцуют круговой бурятский танец *ёхор* (*ёохор*) вокруг *сэргэ* и поют эхирит-булагатскую *ёхорную* песню:

♩ = 92

Э-э-эй (а) дү-ү - сэй Тү-ли - һэн га-лим түү - ү - хэл даа,
 Э-э-эй (а) дү-ү - сэй Тү - үр саһаһ - хоур хоһа - ёр-һоон даа,
 Э-э-эй (а) дү-ү - сэй Тү-рэ - һэн га-ра-лан түү - хэл - найл даа,
 Э-э-эй (а) дү-ү - сэй Э-хэ - рэ-дэһу-ла-га-даа хоһа - ёр-һоон даа.

Дабгалга:
 Э-э-эй (а) дү-ү - сэй, Э-э-эй (а) дү-ү - сэй, Э-э-эй ёр-һоо - лась.

Нотировка выполнена автором, перевод текста Н.Н.Николаевой.

ТүлиҺэн галим түүхэл даа,
 Түмэр сахюур хоёрһоон даа.
 ТүрЭһэн гараһан түүхэмнайл даа,
 Эхэрэд-Булагад хоёрһоон даа.

Разожженный огонь наш –
 От железа и кремня.
 История происхождения нашего
 От Эхирита и Булагата.

Дабгалга:
 Эй-эй дүүсэй, оо-ой дүүсэй,
 Ээлэрьюулаась.

Припев:
 Эй-эй дуусэй, оо-ой дуусэй,
 Ээлэрьюулаась.

Хүрэнгэйн дээдэ хөөҺэн даа,
 Хүхэ ногооной хүшэнҺөөн даа.
 Хүбүүшын ехэ нагасанууд даа,
 Эхэрэд-Булагад хоёрһоон даа.

Пена на курунге –
 От силы зеленой травы.
 Великий материнский род сыновей
 От Эхирита и Булагата.

Дабгалга:
 Эй-эй дүүсэй, оо-ой дүүсэй
 Ээлэрьюулаась.

Припев:
 Эй-эй дуусэй, оо-ой дуусэй
 Ээлэрьюулаась.

Эхирит-булагатский обрядовый круговой танец представляет жанровую разновидность западнобурятского *ёхора* – *Һайгуур*. Его особенностью является наличие инициальной мелодико-ритмической формулы, стабильно повторяющейся в начале каждой строки *ёхорной* песни. По-видимому, эта припевная формула, утратившая смысловое значение слов *дүүсэй* и *элэрьюулаась*, имеет ранние корни происхождения. Архитектоника данного напева представляет типичную для бурятских народных песен четырехстрочную строфу с припевом. Думается, автор продолжит исследование западнобурятского обрядового *ёхора*, результатом которого станет монография «Бурятский круговой танец *ёхор*: историко-этнографический, ладовый, ритмический аспекты».

Необходимо отметить заключительную функцию обрядового кругового танца, закрепляющего сакральную целостность социума. Ведь в прошлом все шаманские обряды завершались танцами, играми, спортивными состязаниями в стрельбе из лука,

борьбе и конными скачками. В настоящее время спортивные состязания нечасто устраивают на тайлганах, они проходят на ежегодном летнем спортивном празднике *Сурхарбан*, Международном фестивале бурятского искусства *Алтаргана* и национальном празднике *Ёрдын наадан* (Ёрдынские игры).

В то время когда проходил женский обряд, мужчины делали приготовления к главной части обряда: изготовили один из самых сакральных объектов – *шэрээ*¹⁰, на котором сжигаются голова, мясо и кости жертвенных животных, начали разделывать и снимать шкуры жертв, которые затем разложили возле каждого *шэрээ*. После исполнения обрядового *ёхора* женщины и девушки дружно взялись за обработку внутренностей животных, приготовления кровяной колбасы, бурятских деликатесов из баранины.

Автора статьи, приглашенную на тайлган в качестве гостя, поразила четкая организованность и слаженность работы участников тайлгана, где каждый знал свою место и функцию. По-видимому, ежегодное проведение и участие в разных тайлганах вырабатывают осознание ответственности каждого участника, способствующее строгой субординации всех членов социума. Без суеты, спокойно и довольно быстро приготовления были закончены, и шаман собрал всех мужчин и мальчиков возле родового дерева.

Вероятно, мужской обряд подготавливает главную церемонию жертвоприношения. Шаман выстраивает мужчин и мальчиков в шеренгу лицом на северо-восток, перед ними помощники шамана держат бутылку водки, молоко, *жөдөө*, трое мужчин – по три сигареты каждый. Шаман произносит призывания предков кузнечного культа *дурдалга* и вдруг поднимается сильный ветер. Чем громче шаман призывает, тем сильнее и порывистее становится ветер. Самым удивительным и эмоционально ярким моментом было ощущение того, что шаманские призывания и просьбы доходят до богов, как бы спускающихся на землю в виде дождя и ветра (за время тайлгана два раза лил проливной дождь). Люди абзаевского рода были счастливы, по народному поверью, дождь очищает их от болезней, всякой скверны и поэтому многие стояли под дождем без зонтов. Когда ветер утих, каждый мужчина из одной рюмки брызгает водкой на *жөдөө* и пригубляет.

В это время в больших котлах варятся мясо и кровь жертвенных животных. На *шэрээ* ставят голову, обращенную на восток, ноги с копытами, ребра и шаман от каждой кучи мяса отрезает небольшие куски и бросает в *шэрээ*. Начинается главный обряд жертвоприношения. Шаман очень быстро и громко уговаривает богов принять жертвы и передает просьбы людей оберегать и защищать их от смерти и несчастий, ниспослать им все земные блага: здоровье, плодovitость, богатство, благополучие и счастье. Затем девять помощников, держа в ведрах и тазах сваренное мясо, трижды по солнцу обходят священные березки (каждую вокруг три раза). В это же время женщины, девушки и дети стоят в ряд лицом на восток, молятся и низко наклоняются, руками приманивая к себе счастье и благодать. По-видимому, это и есть обряд приманивания счастья.

После главной части тайлгана уставшие, но довольные люди, изрядно проголодавшиеся, едят мясо, бульон из свеженины *бүхэлээр*, кровяную колбасу и другие деликатесы бурятской кухни.

И, наконец, заключительная часть обряда тайлгана *Дархан удха* проходит в символической кузнице. В ней находятся только шаман и его девять помощников. Как было отмечено выше, шаман является олицетворением небесного кузнеца Божинтоя, а помощники – его сыновей. Сначала они трижды обходят вокруг «кузницы», а затем начинается долгий обряд освящения каждого инструмента кузнечного ремесла, призывания их *эжинов* и брызгания на огонь в центре «кузницы». В заключении каждый мужчина рода должен ударить молотом по наковальне.

Последним этапом тайлгана был общий сбор всех участников возле родового дерева и *сэргэ*, когда в знак благодарности всех активных участников тайлгана, гостей и, прежде всего, шамана, его помощников и старейшину одаривали деньгами, рубашками и платками (рубашки дарили мужчинам, головные платки – женщинам).

Таким образом, в описании шаманского тайлгана *Дархан удха* западных бурят нужно подчеркнуть цикличность структуры обрядов, строгую функциональность, временную протяженность (тайлган проходил до позднего вечера) и особенную необычайно эмоциональную атмосферу праздника. Думается, дальнейшее комплексное изучение шаманских обрядов *Дархан удха* значительно расширит адекватные представления о тайлгане на более глубинном уровне.

Примечания

¹ Л.И.Степанов (1957 г.р.) из шаманского рода *Ехэ абзай* в настоящее время является председателем Эхирит-Булагатской шаманской общины «Сахилгаан» («Молния»).

² *Хаялгаши* – «брызгальщик» от *хаялга* – «шаманистический обряд брызганья спиртного вверх; вторая после *дуһаалга* степень шаманистического обряда жертвоприношения духам исключительно только водкой» [3, 86]. *Дуһаалга* – обрядовое возлияние водки или вина путем капанья или брызганья на тлеющие угольки огня, обложенные богородской травой [3, 47].

³ *Заян(заяан)* – 1. по анимистическим воззрениям бурят, демиург, создающий зародыши людей и домашних животных; 2. по шаманистической мифологии, дух – защитник подопечных ему людей; 3. грубое схематическое изображение почитаемого духа в форме деревянной фигурки или рисунка на лоскутке материи [3, 52-53].

⁴ *Сар* – прибор для изготовления гвоздей, проволоки и др. [4, 120].

⁵ *Сагаан* – «белый».

⁶ По мнению Г.Д.Санжеева, «имена девяти сыновей Божинтоя бывают разными не только у различных этнических групп бурят, но даже в одной и той же местности» [4, 120].

⁷ Безусловно, в современных бурятских тайлганах модифицированы как сами обряды, так и состав участников. По наблюдению бурятского этнографа Н.Б. Дашиевой, наряду с шаманами-мужчинами, проводящими коллективные обряды, большое значение имеют шаманки-женщины, в частности, Н.А.Степанова, В.П.Тагласова и другие, получившие шаманское посвящение [1, 64].

⁸ *Жөдөө* – кусочек сухой пихтовой коры, зажигаемый для окуривания людей и предметов. «*Жөдөөто бөө* (досл. «шаман, имеющий пихтовую кору») – одна из жреческих степеней шамана, дающая ему право исполнять религиозные требы верующих жертвоприношением духам животных» [3, 51].

⁹ Кстати, нужно сказать о головном уборе платке и юбке как обязательной части одежды каждой женщины на тайлгане (существует запрет на ношение шорт, брюк и джинсов во время обрядов).

¹⁰ *Шэрээ* – «огонь, разводившийся на усадьбе шаманиста из накрест сложенного хвороста или поленьев для сжигания костей и кусочков мяса жертвенного животного в шаманистических обрядах» [3, 102].

Литература

1. Дашиева Н.Б. Бурятские тайлганы. – Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2001. – 105 с.
2. Дугаров Д.С. Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). – М.: Наука, 1991. – 300 с.
3. Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. – М.: Наука, 1978. – 125 с.
4. Санжеев Г.Д. Тайлган бурятских кузнецов // Быт бурят в настоящем и прошлом. – Улан-Удэ, 1980. – С. 100-120.